

КРЕМЛЕВСКИЙ РЕПОРТЕР

154

После знаменитого интервью с Ельциным, когда интервьюер довольно круто, по понятиям поклонников Бориса Николаевича, «наехал» на будущего президента России, репортерская звезда бывшего ведущего «Взгляда» Сергея Ломакина едва не закатилась. После мини-путча он и вовсе исчез с телеэкранов. И появился на них лишь в последние дни минувшей осени. Но уже не в вечерних выпусках эки «Времни», а как один из комментаторов программы «Утро».

СМЕНА ВЗГЛЯДОВ НЕ ЕСТЬ ИЗМЕНА «ВЗГЛЯДУ»

— Почему ты ушел из «Взгляда» так неожиданно? Лысенко говорил мне, что ты даже не поставил его в известность, что было ему очень обидно.

— Он очень деликатный человек. И мне кажется, что он очень аккуратно, тонко уходит от главной проблемы, почему я ушел. Если по порядку, то все очень просто. В 1987 году осенью, как раз в период подготовки «Взгляда», меня пригласил к себе Сагалаев. А с ним мы знакомы очень давно, еще с 1972 года. Тогда я работал в АИИ в редакции Ближнего Востока и Африки. И в прошлом году пришел на телевидение. Если можно так сказать, меня привел туда за руку Андрей Меньшиков (тоже довольно известный человек, который в свое время был звездой КВН). Это человек, который нашел себя, и я считаю, идеально нашел в форме игровых телевизионных программ. То, что у нас делает Листьев, — это лишь совдеповский вариант полностью слизанной игры на американских и европейской студиях. Меньшиков же делал другие игровые передачи, такие, как «Салют, фестиваль» (в них участвовали Андрей Кинышев, Володя Мукусев и еще несколько ребят, очень талантливых, способных) — по тем временам это было действительно безумно интересно.

— Но известен ты стал не как соратник Меньшикова, а как журналист, вхожий к президентам.

— Может быть, я и вошел в команду «кремлевских репортеров», но официально мне об этом никто никогда не говорил. В последнее время Горбачев шел часто на интервью со мной и еще с несколькими моими телевизионными коллегами. Поэтому я не могу сказать, что я был единственным человеком, который работал с Горбачевым. Нет, конечно. Еще несколько человек, которые ездили вместе с ним в поездки за рубеж и по стране, были тоже знакомы ему. Он узнавал их в толпе.

— Но ты был самым импозантным из них. И было очень неожиданно, что ты, запомнившийся основной массе зрителей как ведущий «Взгляда» (передачи, которая всегда была в оппозиции), стал близок к Горбачеву. Запомнился именно Ломакин. Тем более, что у тебя красный галстук, такой же, как у Михаила Сергеевича.

— Это не значит, что мы оба с ним закончили Гарвардский университет. Кстати, Ельцин, как мне видится, во многом копирует его манеру общения со средствами массовой информации. Одно из главных достижений Горбачева — его умение работать с прессой. Вот он разговаривает с людьми на улице, казалось бы, весь занят беседой, но вдруг видит телекамеру и активно и сразу реагирует на нее. Он всегда видит, где она находится. И пытается развернуть своего собеседника

лицом на эту камеру. Он очень хорошо чувствовал, где удобно репортеру подойти с микрофоном. В этом была, конечно, какая-то прелесть, потому что не надо было подбегать к начальнику его личной охраны и говорить: «Я бы хотел взять интервью у Президента, где это можно сделать?» Он сам это чувствовал. Вероятно, по каким-то движениям. Не потому, что мы кричали: «Михаил Сергеевич, ответьте на вопрос». Он сам подходил к репортеру. Бывало так, что мы стиснуты людьми в толпе и двинуться невозможно. Он сам шел к нам. При этом он может великолепно уходить от вопросов, на которые не хотел бы отвечать. Улыбнется, начнет говорить и ровно через пять секунд уходит мыслью совершенно в другую тему. Сделать невозможно ничего, я пробовал пару раз сказать: «Михаил Сергеевич, я очень рад, но мой вопрос относится к другой сфере», «Да-да, я понимаю, Сережа». И продолжал говорить то, что хотел. Причем делал это с улыбкой. И ты был в не очень ловкой ситуации. Получал то, что хотел сказать Президент. Я, например, считаю, что это величайшее достижение. В политике. Уметь уйти от вопроса, который не выгоден. При этом он всегда хорошо реагировал на короткие и резкие вопросы, бьющие иногда ниже пояса. Один из примеров. Когда он был в Канаде и в это время как раз произошло избрание Ельцина, ему задали вопрос около трапа самолета: «Поздравите ли вы Ельцина с избранием?». И, если не ошибаюсь, это был вопрос, который не был ему приятен. Но Горбачев нашел в себе силы, ответил буквально одной фразой. Смысл примерно такой: если он избран, то он достоин того, чтобы его избрали. Хотя по выражению лица было видно, что это ему не очень приятно.

МЕБЕЛЬНЫЙ АСПЕКТ

— С Ельциным тебе тоже приходилось работать. И якобы ты был не лоялен? Такие обвинения слышались в твой адрес. В том числе и с экранов ТВ.

— Еще как! Но это особый разговор. Думаю, никому из журналистов не было никогда необходимости упрекать команду Горбачева в том, что они проводят определенную кампанию в средствах массовой информации по созданию его имиджа. Горбачев создавал свой имидж сам. Он такой, какой есть. Имидж Горбачева не подкрашивали, не лакировали, не создавали из него некую куклу. Это тоже объяснимо, ибо Горбачев был ослепителен после Брежнев и Черненко. Величайший выход Горбачева к средствам массовой информации (а значит, к общественному мнению) открыто — это уже был шаг, невероятный для предшественников. Команда Ельцина использовала Горбачева для того, чтобы сделать

следующий шаг. И они решили создать имидж Ельцину. На это были брошены очень большие силы, очень толковые ребята. Полагаю, что это правильно, это западная схема. Главнейшая задача была — поддержать образ Ельцина как самого привлекательного для страны человека. И если кто-то из репортеров (в силу острых, неожиданных вопросов) ставил Ельцина в ситуацию не очень удачно отвечающего политика, команда находила выход. Это и со

чтении?

— Во-первых, это очень добродетельный человек, который не желает никому зла. Это абсолютно точно. Мне кажется, психологически в нем не заложена жажда почитаться с кем-то. Это, видимо, войдет в историю. Первый персонаж такой — добродетельный. Даже если брать царей. Уж не говоря о его, Горбачева, непосредственных предшественниках. Поэтому он и проиграл! В России, к сожалению, всегда проигрывают мягкие силы. Жесткий, недобрый к людям

ная Президиума Верховного Совета СССР.

— Старинная мебель? Хотят там-то?

— Нет, это современная мебель, не знаю, советская или нет. Удобная, красивая и производящая впечатление богатой. А в самом кабинете очень скромно.

КРЕМЛЕВСКИЕ ВОПРОСЫ — РАЗ

— Значит, все находится в здании Президиума Верховного Совета?

— Из окна виден сад внутри Кремля и панорама Мо-

КРЕМЛЕВСКИЙ РЕПОРТЕР

мной было. Не вина Ельцина, что он не сумел ответить на вопросы. А вина репортера, что репортер неправильно поставил вопрос. Или неправильно вел себя с Борисом Николаевичем. Хотя я могу и ошибиться.

— После того, что ты рассказал, мне кажется, что Горбачев значительно симпатичнее, чем Ельцин.

— Мне кажется, что для репортера не важно, кто из политиков симпатичнее, а кто более интересен для вопросов. Я брал два раза интервью у Ельцина. Один раз — когда работал в программе «Взгляд». И это интервью не пошло в эфир. Его запретили. А второй раз интервью (которое было в прямом эфире) было неудачным для меня. Это происходило у нас, в студии «Останкино». Я не могу сравнивать Ельцина и Горбачева, это было бы неадекватно, но с Горбачевым мне приходилось работать значительно больше. Он тонкий, более европеизированный политик, он вызывает симпатию у беседующего с ним человека. Так мне представлялось всегда. И это подтверждают мои коллеги. У него есть какая-то магическая сила воздействия на собеседника. Я не знаю, как это назвать. Но он может уговорить любого человека согласиться с его позицией, это он умеет делать блестяще. Хотя бы той лавиной слов и мыслей хаотичных, которую он выливает на этого человека. И тот начинает барахтаться, пытается найти главную мысль. Это уже удар. После этого собеседника можно брать просто голыми руками. Он не соображает, что он должен спросить и как он должен себя вести. Но это не происходит насильно, это, вероятно, и есть какое-то психологическое действие Горбачева. Как-то один раз я стал очень внимательно смотреть за его глазами. Главные впечатления: очень лукавые и глубокие глаза. Главная задача репортера — ввести собеседника в свою игру, добиться от собеседника ответа на твой вопрос. Это шахматы. А в случае с Горбачевым ты сталкиваешься с очень сильным игроком. Он принимает твою игру. Он будет играть с тобой, но на каком-то десятом, двенадцатом, пятнадцатом ходу он может переставить фигуру. И ты даже не понимаешь, что играешь в его игру. Поэтому моя задача всегда была — сделать свою.

— Ты рассказал, что следил за его глазами и видел в них лукавство. А что еще ты можешь сказать чисто лично, какое было впечатление?

человек, он, как правило, убеждает. И он заставляет окружающих подчиняться своей воле. Ибо в этой воле заложено желание власти. У Горбачева этого нет. Как мне представлялось, он никогда не стремился подчинить своей воле людей. Он пытался убедить. Он заложник своей собственной идеи. Он провозглашает свою идею, он же и гибнет от нее.

— А где происходили твои встречи с Горбачевым? В Кремле?

— У него было два кабинета. Один — Генерального секретаря, а другой — кабинет Президента. Но приходилось с ним беседовать, как правило, в кабинете Президента. Это комната, в которой раньше всегда собиралось Политбюро (в догорбачевские времена). И если мы видим по телевидению большую комнату с гигантским зеленым столом, это и есть его кабинет. В углу, около окна, его рабочий стол. За ним — государственный флаг. И, как это ни странно, не так много телефонов. Меня это поразило в первый раз. Я был вхож в кабинеты других сановников страны, у которых просто армия телефонов. Я всегда думал: «Как же они разбегаются в звонках?» Хотя у них, по-моему, очень хорошо настроено ухо на два телефона — на телефон правительственной связи и телефон связи с Горбачевым. А у Горбачева, по-моему, всего лишь три телефона.

— А памятный флаг в кабинете — это, конечно, флаг Советского Союза?

— Да, это был красный государственный флаг.

— А мебель какая — старинная?

— Мебель очень скромная. Я полагаю, что она досталась Михаилу Сергеевичу в наследство от предшественников. У него довольно удобное, но очень простое кресло. Стол сделан из хорошего дерева. Но без всяких украшений, без виньеток, без орнамента. Большой стол с двумя тумбами, в котором помещается очень много документов и бумаг. Принято у чиновника чистый стол, лежит одна бумага. У Горбачева этого нет. Ворех бумаг. И простые стулья с подлокотниками, которые стоят вдоль большого стола, где заседали члены Государственного совета, президенты республик и т. д. Кстати, в приемной мебель значительно богаче. Прекрасные стоят кресла, белые, роскошный стол из какого-то белого дерева, полированный. Собственно, это даже не его приемная, это скорее прием-

сквы. Вид очень красивый. Но я не убежден, что у Горбачева бывали минуты, когда он стоял у окна и смотрел на Москву.

— Кто был теневым советником Горбачева? И кто был шефом его кабинета?

— Ближайшим сотрудником, с которым мне приходилось общаться, был Игнатенко. Яковлев, когда он был его советником, во многом способствовал проникновению прессы туда, внутрь, в кабинет, ближе к Горбачеву. Александр Николаевич считал, что Президент должен быть более открытым. Но наша идея (которую мы высказали в апреле 1990 года после избрания Горбачева Президентом) о создании постоянно аккредитованных при Президенте корреспондентов (наподобие корреспондентов при Белом доме США) не прошла. По одной маленькой причине: его ближние бояре (я их так называю), конечно, опасались за часть своего влияния на Горбачева. Ибо от них часто зависело, может приехать репортер или не может. В Кремле к Горбачеву надо было проходить через службу личной охраны, и прежде всего через арестованного ныне генерала Плеханова. Он был начальником печально известного 9-го управления КГБ. Это департамент охраны всех членов Политбюро, секретарей ЦК. Они были заслоном между Горбачевым и прессой.

ПРЕЗИДЕНТСКИЕ ЖЕНЫ

— Правда ли, что Раиса Максимовна говорила в кулуарах, что «Сергей Ломакин самый красивый мужчина на телевидении»? Ты не слышал об этом?

— Я об этом не слышал. Но думаю, что это сплетни. Во-первых, потому что это не так, а, во-вторых, для Раисы Максимовны, мне кажется, всегда был один мужчина — Михаил Сергеевич. Да, было несколько поездок, когда мне приходилось общаться с Раисой Максимовной. К сожалению, репортеру, который работает с Раисой Горбачевой, это не приносит ни славы, ни авторитета. Скорее наоборот, для него это смерти подобно. И в профессиональных кругах, и (в первую очередь) в общественном мнении.

— А жену Ельцина ты не видел?

— Мне кажется, это разные женщины. Но, думаю, говорить об этом неэтично. Что касается Раисы Максимовны, то думаю, она много времени уделяла занятиям по протоколу. Как себя вести,

как стоять, как идти, как подавать руку.

— Кого ты бы мог назвать ее учителями?

— Я не знаю их, но полагаю, что они есть. Понимаете, в чем дело: жена первого секретаря крайкома партии (кем была Раиса), естественно, не получает тех знаний протокола, которые должна получить супруга главы государства. С изменением своего статуса она, вероятно, должна была брать такие уроки. Но, к сожалению, Раиса Максимовна считала, что она такой же государственный деятель, как и ее супруг. И поэтому если она с кем-то беседует во время визита, то говорит тоном, в котором, как она представляет, заложен глубочайший государственный смысл. Это всегда безумно раздражало людей. И мне кажется, она не была на экране той женщиной, которой была в жизни. Я видел ее в жизни, когда нет телевизионной камеры. Абсолютно нормальный симпатичный человек. Свои проблемы. Усталость от возраста и тревог, связанных со своим мужем, семьей. (Она была замкнута в этой внутренней жизни всегда). Я с ней разговаривал и для себя понял одну вещь (которая меня всегда очень привлекала): она очень любит своего мужа, она безумно заботится о нем. Мне рассказывали: как-то во время одного интервью с Горбачевым она присутствовала при разговоре. Не вмешивалась, сидела сбоку, спокойно. И вдруг она подозвала охранника и попросила его закрыть форточку в комнате: «Я вижу, Михаил Сергеевич разгорячился при разговоре, утром он чувствовал себя неважно, и я боюсь, как бы его не продуло». Может быть, это не очень характерная деталь, но это не было сделано на публику. Это была норма. Я убежден: когда она его отправляла утром на работу, помогала ему надеть пиджак и говорила: «Прошу тебя, не забудь надеть шарф, сегодня на улице ветрено». Если бы мне удалось (боюсь, что вряд ли в ближайшее время), я считал бы крайне интересным для себя, а потом, может быть, и для зрителей, сделать фильм просто о семье Горбачевых. Как они общаются друг с другом. Вот когда Горбачев в официальной обстановке, он всегда говорит о своей жене «Раиса Максимовна».

КРЕМЛЕВСКИЕ ВОПРОСЫ — ДВА

— Есть ли такое место в Кремле, где бы Горбачев мог почитать?

— Нет, такого места в

Кремле нет. Ты говоришь о такой резиденции, которая могла бы совмещать и рабочее место, и место, где он живет? Такого нет. Это было бы правильно, если бы было такое место.

— Итак, в Кремле резиденция, в которой он никогда не жил?

— Нет, никогда. Это традиция, насколько я понимаю, большевистской России. Может быть, новое руководство изменит ее. Было бы правильно, если бы ее изменили.

— Нельзя это считать традицией большевистской России, потому что и Ленин, и Сталин все-таки жили в Кремле.

— Дело в том, что у Ленина никогда не было своей собственной квартиры вообще. Это даже не частная квартира, а квартира, предоставленная ему государством. Сталин жил не только в Кремле, он жил еще на двух дачах. Формально всегда считалось, что Сталин работает в Кремле, но он очень часто работал на дачах.

...Я не думаю, что Сергей стал бы кремлевским журналистом, живи он в эпоху Большого Друга Советских Физкультурников. Я не уверен, что журналист Ломакин кого-то предал и был честен со зрителями «Взгляда» и «Времени». Я не стал бы величать его (как многие) «придворным репортером режима». Быть преданным — не значит быть предателем. В наше время, когда бывшие «первые» обкомов и комсомольские вожаки республиканского масштаба принимаются клеймить «коммуняк», журналист, хранящий верность последнему (по хронологии, имею в виду) козлыну Кремля, заслуживает уважения, спору нет.

Я не могу умолчать о его репортерском таланте. Он очевиден хотя бы в силу внешних данных Ломакина. (Быть телегеничным и блондинистым привлекательным для ведущего ЦТ — уже залог успеха).

Я не рискну, «рассказывая» Ломакина, не заметить: своя позиция и умение грамотно излагать (пусть и не всегда свои) тезисы — это то, чем отнюдь не все члены нашего славного Союза журналистов могут похвастаться.

Не все. Даже из тех, кому довелось корпортировать за стенами Кремля.

Евгений ДОДОЛЕВ. («Взгляд»).